

Голикова Мария Сергеевна

"ВЕРНОСТЬ" КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена истории возникновения понятия "верность" в фокусе философии XX века и ее развитию в западной науке. Работы исследователей "верности" представлены как единое направление, которое продолжает традиции, заложенные американским философом Дж. Ройсом. Автор рассматривает проблемы теоретического и методологического характера и выделяет основные течения, развивающиеся в современной "философии верности".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/3-1/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 1. С. 51-53. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 008; 1(122/129)

Философские науки

Статья посвящена истории возникновения понятия «верность» в фокусе философии XX века и ее развитию в западной науке. Работы исследователей «верности» представлены как единое направление, которое продолжает традиции, заложенные американским философом Дж. Ройсом. Автор рассматривает проблемы теоретического и методологического характера и выделяет основные течения, развивающиеся в современной «философии верности».

Ключевые слова и фразы: верность; доверие; лояльность; преданность; Дж. Ройс; философия верности.

Голикова Мария Сергеевна

Московский государственный лингвистический университет
golikoff@list.ru

«ВЕРНОСТЬ» КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время *верность* является центром притяжения научного интереса и темой дискуссий в современной западной философии. Как замечает ряд исследователей, дать даже самое общее определение *верности* (в англоязычной научной литературе “loyalty”) представляется проблематичным, так как «нет ничего более неопределённого и неуловимого» [11, р. 595]. Современные дефиниции *верности* в философских словарях дают широкий спектр общих представлений, избегая четкой формулировки. Яркий пример описательного определения – словарь западной философии Блеквелла: «Термин этики и политической философии. Отличительная черта характера, реализующаяся в верности и почитании личности, группы, страны, дела или принципа. Чувство верности с трудом подвергается изменениям. На него не влияют внешние силы или осознание того, что объект верности испытывает недостаток в предполагаемых достоинствах. Верность близка понятиям сострадания и благодарности. Она классифицируется как добродетель, потому что включает в себя бескорыстные обязательства. Стабильность любого политического сообщества требует хотя бы некоторой верности от части граждан. В противовес взвешенной, обдуманной, существует также слепая и неосознанная верность, когда даже в ходе полемики объект верности остается священен. Верность всегда равнодушна и эмоциональна, ее трудно соотнести с непредвзятыми, справедливыми требованиями морали» [3, р. 403]. Существующие дефиниции часто входят в противоречия друг с другом, по-разному трактуя ее природу, характеристики и категориальную принадлежность. *Верность* определяется как добродетель или как политический термин, как эмоциональная предвзятая или, напротив, беспристрастная основа общественного порядка, как чувство или действие [2, р. 184; 8; 10, р. 108]. Нет единства также и в терминологическом аппарате исследователей, так как одни концентрируются исключительно на слове “loyalty” (верность/преданность), другие используют “trust” (доверие) и “fidelity” (верность) как синонимы [2, р. 183].

Многообразие определений и полярных авторских трактовок порождает ряд вопросов. Почему существует такой разброс мнений и определений? Идет ли речь об одном и том же объекте? Особенно актуальны эти вопросы в ракурсе перевода и адаптации литературы о *верности* на русский язык. Данная статья – это попытка ответить на них путем построения логического генезиса развития философской интерпретации *верности*.

До XX века *верность* не изучалась как самостоятельное целостное понятие, но рассматривалась в философских работах лишь косвенно, в связи с описанием других моральных категорий, таких как «дружба», «долг», «честь», «вера». Она служила вспомогательным понятием для отражения главной идеи или философии автора [Ibidem, р. 184].

Научный этап исследования начинается с работы «Философия верности» американского философа, профессора Гарвардского университета Джосайи Ройса (1855-1916). Он вынес *верность* в центр своей философской концепции, в которой основными стали два положения: во-первых, «в основе нравственной жизни человека лежит верность», во-вторых, «истинным делом жизни является сама верность» [14, р. 8].

Одна из центральных тем «Философии верности» – постоянный поиск ответа на вопрос: что такое *верность*? По мнению Дж. Ройса, это «добровольное, действенное и безусловное служение личности определенному делу» [Ibidem, р. 17]. Дж. Ройс стремился как можно дальше отойти от культурной специфики и выявить саму суть *верности*, ее идею. Его цель – это борьба со «случайными и обманчивыми» ассоциациями (chance and misleading), которые исторически накапливаются и могут быть не просто вредны, но даже опасны для общества [Ibidem, р. 8]. Данная формулировка является самой общей, но необходимой для дальнейшей работы исследователя.

Принципиальное значение, которым Дж. Ройс наделил *верность* как универсальную идею, поспособствовало изучению ее в максимально «чистом» виде, как отдельной особой категории, что позволило сосредоточиться на гносеологическом аспекте и закономерностях ее развития и функционирования. Внимание к *верности* как к центральной добродетели дало ей статус особого концепта, требующего всестороннего анализа. В то же время стремление к поиску «чистой идеи», заложенное Дж. Ройсом, также повлияло на формирование ряда теоретических проблем и связанных с ними методологических особенностей исследований *верности*.

Во-первых, это проблема терминологии. «Я должен предложить “верность” (*loyalty*) как временный и условный термин, который я буду вынужден использовать. Я хотел бы начать с окончательного и подходящего определения, но не могу. В настоящее время я должен попытаться направить вашу мысль, насколько возможно, на те черты этого слова, которые необходимы для моей концепции верности» [Ibidem, p. 16]. В ходе исследования Дж. Ройс рассматривает и другие варианты, такие как *fidelity, faithfulness, devotion, absorption, trustworthiness, commitment*. И последовательно отвергает их как совсем непригодные [6, p. 26]. Так *loyalty* стало основным термином для исследователей верности в англоязычной среде. Даже такое формальное ограничение – причина терминологической путаницы, так как выбранное слово не отражает совокупности всех характеристик объекта. Определяющее значение этого выбора особенно остро проявляется на русскоязычной почве. Потому что «лояльность», одно из основных значений *loyalty*, в русском языке имеет свои особенности – преимущественно политическое и социальное значение. Например, название труда Дж. Ройса «Философия верности» часто переводят как «Философия лояльности» (сама работа не переведена), что приводит к искажению изначального смысла.

Во-вторых, особенностью, присущей исследованиям *верности*, является стремление не ограничивать ее жесткими рамками понятия, идеи, категории, феномена или концепта. В работах Дж. Ладда, М. Барон, Дж. Кляйнига *верность* субстантивируется как отдельный уникальный объект познания. Часто встречаются такие выражения, как «верность говорит», «верность требует», «верность является», «объект и субъект верности» [1, p. 4; 11, p. 596].

В-третьих, присвоение Дж. Ройсом *верности* характеристики абсолюта, который не ограничивается узкими рамками словарной формы, повлияло на включение в научное поле исследователей широкого круга объектов, родственных *верности*: веры, доверия и лояльности, которые базируются на общей теории и разработках одних и тех же авторов.

Выяснение вопроса о том, что такое *верность*, приводит к необходимости определения ее существенных составляющих. При всем многообразии проявлений и интерпретаций *верность* всегда предполагает присутствие двух ментальных агентов: субъекта и объекта. Под субъектом понимается действующая сторона, источник или первоисточник *верности*, имеющий активный характер, объект же – это пассивная сторона, то, на что направлена *верность*.

Дискуссия о характеристике объекта *верности* стала одной из главных в «философии верности». Согласно теории Дж. Ройса, объектом *верности* может быть только «сверхличностная» сущность, «нечто, выходящее за рамки отдельной личности» [14, p. 19]. Если поведение индивида можно описать как преданность по отношению к другому человеку или группе лиц, то причина тому – не личная привязанность, но «сверхидея», которой он руководствуется и которая предопределяет его действия в реальности.

Противоположной точки зрения придерживается философ и специалист по этике Дж. Ладд. «Верность по природе своей межличностная, именно в этом заключается ее специфика. Человек верен своему господину, своему отцу, своему товарищу. Невозможно быть верным по отношению к людям вообще (человечеству) или общим принципам, таким как справедливость или демократия» [11, p. 595]. Теория Дж. Ройса является «в корне неверной, нелогичной и этически ошибочной, так как индивидуальность, растворяясь в беззаветном служении высшему благу, обесценивается» [Ibidem].

Философ Э. Олденквист, соглашаясь с позицией Дж. Ладда, предложил разделять *верность умозрительную* (неперспективную, абстрактную) и *настоящую*. «Если я сказал, что кланюсь защищать родину, я имею умозрительную верность. Но если я заменяю эту формулировку на “мою страну”, “демократическую страну” или “христианскую страну”, это уже будет не верность, а идеализация; в этом случае я предан не какой-либо частной вещи, но некой категории, качеству. Если у меня нет желания заменить выражение “моей стране” каким-либо характеризующим выражением, то я имею подлинную верность, а не идеал» [12, p. 175]. Таким образом, *верность* по отношению к *x*, является «идеальной» и умозрительной, действенной она будет только в том случае, если я буду верен «моему *x*». Отсутствие этой необходимой «притяжательной» характеристики будет означать, что я верен классу вещей *x*. В этой позиции мы видим ультравыраженную замкнутость на субъекте отношений, которая является противоположностью идеи Дж. Ройса о «надмирном характере» объекта *верности*.

Разделение *верности* на «умозрительную» и «настоящую» стало импульсом для возникновения новой проблематики и вопросов о статусе *верности* как добродетели. Высокая аксиологическая оценка, наряду с объектно-субъектной темой, послужила отправной точкой для исследователей верности, так как Дж. Ройс считал, что *верность* является фундаментом добродетелей [14, p. 99-147]. Дискуссия об аксиологической ценности – развивающееся направление этики *верности*, которое фокусируется на этической стороне отношений субъекта и объекта. Всегда ли служение объекту верности является добродетелью и в каких случаях она становится деструктивна, аморальна? Данный вопрос обсуждается как на базе конкретных социальных проблем, так и в широком философском контексте. Так, Э. Фелтен подчеркивает, что хотя *верность* необходима для функционирования общества и культуры, но «это добродетель, полная конфликтов», и приводит примеры, в которых она проявляется как антидобродетель [5, p. 52].

Определение объекта *верности* как «личностного», а не «сверхидейного» формирует проблему «множественной верности» [13]. Если объектом *верности* является не только «отдельная личность» (Дж. Ладд), но также «принципы, причины, идеи, идеалы, религии, идеологии, нации, правительство, партии, лидеры, семьи, друзья или группы», соответственно, может возникнуть ситуация «конфликта верности» между двумя объектами [10, p. 108]. Или возникнет проблема выбора: верность какому из нескольких объектов является преимущественной. Философ С. Келлер решает проблему аксиологической ценности верности через

постановку «границ верности», преступив которые, дальнейшее следование принципам преданности становится разрушительным [7, p. 218-219].

Еще одна уникальная черта философии *верности* Дж. Ройса – ее «жизненный», прикладной характер. Он рассматривал *верность* как основу бытия: «она корректирует сомнения, говорит каждому, что делать, дает жизни центр, устойчивость и стабильность» [14, p. 22]. Эта тенденция анализа *верности* в широком спектре актуальных проявлений продолжает активно развиваться. Однако если Дж. Ройс рассматривал верность как данность, присутствующую в культуре, то современные исследования преимущественно концентрируются на природе и механизмах ее возникновения.

С позиций психологии и биологии *верность* можно определить как «некий генетически передающийся адаптационный механизм, чувство прикрепления к другим, ценный для выживания» [16, p. 218]. В пользу такой теории «бессознательной, интуитивной верности» приводятся примеры преданного поведения животных. Представители этого направления рассматривают *верность*, прежде всего, как чувство или эмоцию, свойственную всем живым существам. Например, исследователь Р. Э. Эвин полагает, что *верность* является нерелекторным «социальным инстинктом» [4, p. 4].

«Философы верности» (С. Келлер, Дж. Кляниг, Р. Соломон, Ф. Флорес), признавая существование такой природной *верности*, разделяют *верность* инстинктивную и сознательную. Рациональная *верность* подвержена влиянию через процесс осознанной рецепции и осмысления, в то время как природная, в отсутствие философской рефлексии, может быть деструктивна для общества [7, p. 3-7; 9, p. 71-87; 15, p. 47-52].

Как новый этап развития «философии верности» мы можем выделить «культурологический поворот», произошедший в начале XXI века в русле изучения механизмов реализации *верности* в обществе. Если ранее научное внимание концентрировалось на ее универсальности, то в настоящее время происходит процесс медленного осознания специфики и ее уникальности в различных культурах.

Таким образом, несмотря на многообразие философских интерпретаций верности в XX в., в совокупности они формируют отдельное направление «философии верности». Все они аккумулируют общие идеи, следуют единой научно-исследовательской традиции и наследуют методологические проблемы, которые предопределены широкой сферой употребления и распространением *верности* во всех сферах жизни. Теоретической основой развития, определившей характерные черты этого направления, являются теоретические принципы, заложенные «Философией верности» Дж. Ройса. Несмотря на то, что некоторые его положения и теории были оспорены, именно он определил проблематику научной дискуссии и задал направления, по которым развивалось и продолжает двигаться исследование *верности*. Выявленная специфика *верности* как уникального объекта философского анализа является важной для разработки и дальнейшего продолжения ее исследований в отечественной науке.

Список литературы

1. **Baron M.** The Moral Status of Loyalty. Dubuque, Iowa: Kendal/Hunt Publishing Company, 1984. 36 p.
2. **Bryant S.** Loyalty // James Hasting's Encyclopaedia of Religion and Ethics: in 13 vols. N. Y.: Scribners, 1915. Vol. VIII. P. 183-188.
3. **Bunnin N., Ji Y.** Loyalty // The Blackwell Dictionary of Western Philosophy. John Wiley & Sons, 2008. P. 403-404.
4. **Ewin R. E.** Loyalty: The Police // Criminal Justice Ethics. 1990. Vol. 9. № 2. P. 3-15.
5. **Felten E.** Loyalty. The Vexing Virtue. N. Y.: Simon & Schuster, 2011. 320 p.
6. **Foust M. A.** Loyalty to Loyalty: Josiah Royce and the Genuine Moral Life. N. Y.: Fordham University Press, 2012. 236 p.
7. **Keller S.** The Limits of Loyalty. Cambridge: University Press, 2007. 232 p.
8. **Kleinig J.** Loyalty [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2013/entries/loyalty/> (дата обращения: 02.01.2017).
9. **Kleinig J.** On Loyalty and Loyalties: The Contours of a Problematic Virtue. Oxford University Press, 2014. 336 p.
10. **Konvitz M. R.** Loyalty // Encyclopedia of the History of Ideas: in 5 vols. / ed. by Philip P. Wiener. N. Y.: Scribner's, 1973. Vol. 3. P. 108-116.
11. **Ladd J.** Loyalty // The Encyclopedia of Philosophy: in 10 vols. / ed. P. Edwards. N. Y.: Macmillan, 1967. Vol. 5. P. 595-596.
12. **Oldenquist A.** Loyalties // Journal of Philosophy. 1982. Vol. 79. № 4. P. 173-193.
13. **O'Neill J. M.** Conflict of Loyalties // Thought: a journal of philosophy. 1953. Vol. 28. № 1. P. 141-143.
14. **Royce J.** The Philosophy of Loyalty. N. Y.: Macmillan, 1908. 409 p.
15. **Solomon R. C., Flores F.** Building Trust in Business, Politics, Relationships, and Life. Oxford: Oxford University Press, 2003. 192 p.
16. **West R.** Conscience and Society. N. Y.: Emerson Books West, 1945. 261 p.

“LOYALTY” AS AN OBJECT OF PHILOSOPHICAL RESEARCH

Golikova Mariya Sergeevna
Moscow State Linguistic University
golikoff@list.ru

The article is devoted to history of the concept “loyalty” in the focus of the XX-century philosophy and its development in the western science. Works of researchers of “loyalty” are represented as a single direction, which continues traditions established by the American philosopher J. Royce. The author considers problems of theoretical and methodological nature and highlights the main tendencies developing in modern “philosophy of loyalty”.

Key words and phrases: loyalty; confidence; faithfulness; devotion; J. Royce; loyalty philosophy.